

ПРОЛОГ
СТОКГОЛЬМ,
ОКТАБРЬ 1988

Улица Кунгсгатам светится во мраке красным и зеленым. Пронзительно-яркие огни светофоров отражаются в темных потоках дождя, струящихся по перекрестку на Свеавэген дальше вниз, туда, где кипит ночная жизнь Стуреплана. Вечер, почти девять часов, и промозглый холод пробирается под осенние пальто и куртки стокгольмцев, заставляя их зябко ежиться.

Дождь льет не прекращаясь уже целую неделю. Все ждут, что зима прогонит осень, что пойдет снег и укроет пушистым ковром стокгольмские улицы. Но зима не торопится, и сырость стала постоянным спутником прохожих, таким же настырным, как и облачка пара, которые выдыхают пешеходы.

Лайла Дамм осторожно поднимается по лестнице подземного перехода станции метро «Хёторге». Скользко, и ей не хочется навернуться и упасть. Но

и сидеть дома и помирать от скуки только потому, что она находится на последнем месяце беременности, Лайла тоже не собирается. Это не в ее стиле. Отнюдь. Она всегда жила на полную катушку и теперь тоже не собирается ничего менять только потому, что ждет ребенка.

Выбравшись на поверхность, Лайла сворачивает налево, в сторону Стуреплана и, раскрыв зонт с леопардовым принтом, принимается бодро шагать мимо темных витрин магазинов, мурлыча себе под нос песенку Лауры Браниган.

Сестра говорит, что она сумасшедшая, раз до сих пор, на девятом месяце, разгуливает на высоких каблуках. Но в этом вся Лайла.

I live among the creatures of the night. I haven't got the will to try and fight¹.

Она идет все дальше и дальше по Кунгсгатан, одной из самых известных улиц в стране. Здесь, запуская в воздух конфетти и крича от радости, праздновали в 1945 году окончание Второй мировой войны. Здесь открылся первый в Швеции ресторан «Макдоналдс». И именно здесь Джон Леннон купил однажды свое знаменитое кепи. Каждый сделанный ею шаг — словно еще одна перевернутая страница истории.

You take my self, you take my self control. You take my self, you take my self control.

---

¹ Я живу среди созданий ночи. У меня нет желания сражаться и бороться (англ.).

Мельком взглянув на часы, Лайла понимает, что слегка припозднилась, но это не страшно. Ее подруги привыкли, что она постоянно опаздывает.

Вначале она действительно собиралась пересечь на красную линию метро, чтобы сразу выйти на Остермальмской площади, а оттуда рукой подать до «Риша».

Но ей необходима прогулка. Пожалуй, будет даже полезно немного отодвинуть встречу с подругами, чтобы на несколько минут дольше побыть наедине со своими мыслями.

А то в последнее время столько всего навалилось. Сплошные ссоры, обидные слова и холод...

Но плевать на все. Плевать на дразги и на боль. Сегодня вечером она имеет право жить как хочет. Общаться со своими лучшими подругами. Смеяться, сплетничать, нести всякий вздор и, быть может, даже пригубить шампанского. Вот только она не рассчитывала, что будет *настолько* сыро.

Небеса разверзлись, и дождевые потоки шквалом обрушились на улицы, словно где-то наверху до упора выкрутили кран. Тучи лоскутным одеялом накрыли город.

Лайла уже почти добралась до Стуреплана. На пешеходном перекрестке на Норрландсгатам горит красный человечек, и она терпеливо ждет зеленого сигнала светофора, стоя под большим зонтом. Сквозь леопардовые разводы можно даже различить, как темные тучи ползут по небу.

КРИСТОФФЕР ХОЛЬСТ

Позже даже эта часть Кунгсгатан станет знаменитой.

Но сейчас об этом еще никто не догадывается. И прежде всего сама Лайла.

Что не удивительно.

Однако перекресток на пересечении Кунгсгатан и Норрландсгатан станет последним местом, которое ей доведется увидеть в этой жизни.

Последним.

ГЛАВА ПЕРВАЯ
СТОКГОЛЬМ,
ОКТАБРЬ 2018

— Закке! Арету Франклин стошнило прямо на мои бумаги!

Едва эти слова срываются с моего языка, как я понимаю, до чего нелепо они звучат, и страдальчески закатываю глаза. Крохотный лохматый песик, округлив глаза, смотрит на меня с ковра гостиной. Закке высовывает голову из кухни.

— Звучит как отговорка, — фыркает он.

— Чего?

— Чтобы не работать. *Учитель, пес сжевал мое домашнее задание!*

— Но она в самом деле его сжевала! Точнее, облевала.

— Прости. Ты же знаешь, какой у нее слабый желудок.

Я насупилась и наткнулась на виноватый взгляд Ареты Франклин. Ну и что с того, у меня тоже иногда бывают проблемы с желудком, но чужие вещи

я пачкаю редко. А если такое все же случается, то приношу извинения. Не то что Арета, которая с гордым видом восседает на ковре с поблескивающей лужицей рвоты перед ней. Выражение ее морды говорит: *Извини, но это мой стиль. Меня может стошнить на все что угодно. Привыкай.*

Кстати, нет ничего удивительного в том, что у нее проблемы с желудком, если учесть, что она регулярно глотает пробки от бутылок и камни. Нам явно попался экземпляр, который плевать хотел на то, что пишут в умных книгах о микрофлоре кишечника, которые мы штудлируем в последнее время.

— Ничему твою собаку жизнь не учит, — ворчу я.

— А кого она учит? — резонно возражает Закке.

Он бросает мне рулон туалетной бумаги, и я ловлю его на лету. А потом мой приятель снова исчезает в кухне. Я отрываю небольшой кусок и пытаюсь вытереть со стопки моих бумаг комок рвоты (да, это действительно *комок* — представьте себе крем-брюле без карамельного слоя снизу). Статья об Элизабет Шорт, которую я только что написала, размокла от сырости. *Вот блин.*

Я сердито чешу за ухом этого раздражающего, но — ах! — такого милого песика, встаю и иду на кухню. Протискиваюсь мимо Закке и демонстративно швыряю измазанную рвотой бумагу в мусорное ведро перед ним. После чего, громко вздыхая, принимаюсь мыть руки под краном.

— На помощь! — немедленно реагирует он. — Кто-то сегодня явно встал не с той ноги.

— Знаю. Прости.

— Плохо спалось?

— Да нет. Просто немного нервничаю. Сегодня вечером крайний срок сдачи материала.

— Понимаю. Я могу тебе чем-нибудь помочь?

— Нет, но вот *Арета* точно может. В том смысле, что для нее не составит никаких проблем нагадить на мою работу.

— Это всегда пожалуйста, но, к сожалению, она настолько глупая псина, что больше ничего не может предложить взамен. Разве что любовь.

— Каков хозяин, таков и пес.

— Поосторожнее.

Закке улыбается, и я не могу удержаться от того, чтобы не ухмыльнуться ему в ответ. Я быстренько обнимаю его — он стоит у плиты и помешивает что-то в своих кастрюльках. Заглянув в одну из них, я вижу нечто, по цвету напоминающее солнечный закат в тропиках.

— Что это ты такое готовишь? — интересуюсь я.

— Блюдо индийской кухни! Панир корма называется.

— Боже, как вкусно пахнет. Что я такого сделала, что заслужила тебя, а, Закке?

— Понятия не имею. Может, это произошло еще в твоей прошлой жизни?

Я вопросительно поднимаю брови.

— Что, например?

— Может, раньше ты была ведьмой? — лукаво улыбается Закке.

— Тогда это объясняет мое неумение плавать. Ну что, скоро будет готово?

— Не раньше чем через час. Так что ты еще успеешь немного поработать. Ну все, давай проваливай!

И, окутанная облаком волшебных ароматов, я покидаю кухню и снова отправляюсь в гостиную. Я обожаю гостиную Закке и Юнатана. В основном за то, что в ней отсутствуют углы — этакий гигантский круг в самом центре квартиры. Пол устлан персидскими коврами, стены с ярко-желтыми, цвета солнца, обоями увешаны фотографиями и картинами в жизнерадостных тонах. Большие окна выходят на площадь Мариаторгет. Октябрь. Совсем скоро облетит оранжевая листва, и деревья станут совсем голыми. Сейчас почти восемь часов вечера. Я это знаю, потому что в гостиной негромко работает телевизор, по которому показывают «В половине восьмого у меня». Я фыркаю при виде нелепо разодетой женщины, которая украшает картофельные оладьи носиками из пармской ветчины и глазками из оливок. Господи, какое счастье, что мы, люди, такие разные. Как же было бы грустно, будь все иначе.

Ну что ж, возвращаемся к работе.

Я сажусь за обеденный стол и включаю ноутбук. Долго таращусь на текст, который по большей части уже готов, но все же чего-то ему не хватает. Как свежеиспеченному тарту взбитых сливок, без которых и торт не торт. Но чего именно не хватает?

Подписи автора, чуть иронично думаю я. В наше время авторы уже не подписываются под своими творениями как раньше. Во всяком случае, на моей нынешней работе. Никого не интересует, кто

кропает статьи. Так что это мне ничего не даст. Но я все же набираю свое имя под текстом, чтобы хоть что-то сделать.

Силла Сторм, криминальный репортер.

Да, вот ведь какая штука. Еще полгода назад я была репортером скандальной хроники и работала в «Шансе», газетенке, которая в основном интересуется тем, сколько сигарет выкурила на вечеринке принцесса Мадлен, какие очередные глупости написала в своем Твиттере Кикки Даниельссон и почему на чердаке у Агнеты Шьёдин завелись привидения. С последним обычно разбирается Йорген, усатое украшение редакции газеты.

Все эти годы меня вполне устраивала работа в «Шансе», но, сказать по правде, в глубине души я мечтала о другом. И когда Данне, мой бывший парень, бросил меня — в общем, в тот момент со мной что-то случилось.

На самом деле это длинная история, и чтобы сделать ее покороче, скажу сразу — я купила себе садовый участок в Стокгольмских шхерах, а если поточнее, то на крохотном идиллическом островке Буллхольмен. Отправилась туда прошлым летом, чтобы начать все сначала. Пережить расставание с Данне, научиться выращивать овощи и в каком-то отношении заново открыть для себя смысл жизни. Научиться справляться со всем самостоятельно. Но вот к чему я точно не была готова, так это к тому, что окажусь в самом эпицентре таинственного убийства, которое смешало все мои планы на лето.

Теперь-то мне кажется, что все это было очень давно, хотя с тех пор минуло всего несколько месяцев. В конце августа лето, прихватив с собой жару, бабочкой упорхнуло с Балтийского моря, а мне пришла пора возвращаться обратно на сушу.

Возврат к будням имел как свои плюсы, так и свои минусы.

Минус: мою крохотную съемную квартиру на Бастугатан залило водой. Кухня превратилась в один сплошной бассейн в отвратительном далласском стиле, что вынудило меня немедленно снова упаковать свои вещички и отправиться на квартиру к Закке и Юнатану, которая, по счастью, находится всего в нескольких сотнях метров от моей.

Скоро уже два месяца как я живу у них, а рабочие до сих пор никак не отремонтируют мою квартиру, а заодно и квартиру подо мной, которая тоже пострадала.

Плюс: я вернулась в большой город с новой работой!

Да, поначалу мне самой в это не верилось. После кровавых летних недель на Буллхольмене во мне что-то такое пробудилось. Я всю жизнь считала себя довольно пугливым человеком. Который боится всего на свете. Любопытным, да, но чаще всего сидящим в кустах. Но летнее убийство на Буллхольмене изменило меня. Потому что мне впервые пришлось действовать, вместо привычных «убежать и спрятаться». Вот тогда-то я и решила уволиться из «Шанса» и подыскать себе новую работу.

Мне хотелось и дальше использовать свое непомерное любопытство для написания статей, но пришло время оставить позади привидения Агнеты Шьёдин и Калле Мореуса.

В общем, я решила податьсь в криминальные репортеры. Я написала в разделы криминальной хроники вечерних газет, но получила отказ. Написала на телевидение, радио и в местные издания, но там мне тоже отказали. Ничего удивительного, если учесть, как трудно в наши дни пробиться пишущей братии на журналистском поприще. Это же просто джунгли какие-то.

Выручила Роза, моя новая соседка по садовому участку на Буллхольмене. Она посоветовала мне отправить резюме на адрес подкаста «Кровавый след», который сама она слушает затаив дыхание. Подкаст об убийствах, раскрытых и нераскрытых, как в Швеции, так и за рубежом. Захватывающие истории о зле, которое подстерегает нас в реальной жизни.

Вот уж никогда не думала, что буду стремиться попасть на подкаст. Честно говоря, вообще не верилось, что на подобной работе можно что-то заработать. Но оказывается, можно. Аудитория «Кровавого следа» составляет триста тысяч слушателей в неделю. И кто-то должен писать сценарии для эфира. В общем, я наткнулась в Фейсбуке на объявление о приеме на работу — и получила ее!

Так что с подписью автора или без оной, но на сегодняшний день я являюсь криминальным репортером. С этой мыслью я, довольная, плюхаюсь